

Андрей Печёнкин

Особенности национальной пехоты

Правда о чеченской войне

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Андрей Печёнкин

**Особенности
национальной пехоты**

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Печёнкин А.

Особенности национальной пехоты / А. Печёнкин — «ЛитРес: Самиздат», 2002

Автор этой книги побывал в качестве журналиста на первой чеченской войне. На вторую пошёл уже рядовым-контрактником мотострелкового полка, став первым российским журналистом, сменившим перо на автомат Калашникова. Читайте правду о двух чеченских кампаниях из уст непосредственного участника. Содержит нецензурную брань.

"Чеченец никогда не выстрелит в спину даже самому заклятому врагу, никогда не убьёт безоружного, схватка может быть только на равных, лицом к лицу. Чеченец имеет честь, которую в нашем мире многие потеряли уже давно.» Алла Дудаева, из книги «На изломе столетий».

Летим в Грозный

28 января 1995 года с группой офицеров волгоградского гарнизона – заменой для воюющей части 8-го гвардейского армейского корпуса, наша журналистская команда вылетела в Грозный.

«Выпей, легче будет!» – предложил подполковник-сосед в командирском отсеке десантного АН-12, доставая полуторку разбавленного спирта. Первый раз пил в полёте. Действительно, пробки из ушей вышли и стало хорошо. Экипаж пил тоже. Передо мной был какой-то трубопровод с краником. К этому кранику периодически выскакивал из кабины штурман с гранёным стаканом и, наполнив его, вновь исчезал в кабине.

Через полтора часа полёта под крылом самолёта показалась грязная извилистая Сунжа и замелькали пригородные кварталы чеченской столицы. Самолёт выписал в небе несколько крутых виражей с одновременным снижением под очень крутым углом. Иначе нельзя – могут сбить. Посадка заняла не более полутора-двух минут, АН-12 неожиданно коснулся колёсами бетонной полосы и резко замер напротив разрушенного здания аэровокзала. Уже потом нам сообщили, что это был первый самолёт, прорвавшийся сюда прямо из Волгограда. До этого аэропорт принимал преимущественно только вертолёты из Моздока. Так как самолёты сбивали чеченские боевики. Вот, гады, сразу не сказали – хрен бы вам полетел!

Здание аэровокзала выглядело частично разрушенным внешне и полностью разграбленным изнутри. Неподалёку высились обломки президентского лайнера Дудаева. «Где здесь поссать?» – спросил я у первого попавшегося автоматчика. «А где хошь!» Пройдя по битому стеклу прямо сквозь «витрину» аэровокзала, мы сели в БТР и приехали в Центр боевого управления Северной группировки войск под командованием генерал-лейтенанта Рохлина, располагавшийся на консервном заводе.

Встретили нас с распростёртыми объятиями: «Волгоградцы?! Родненькие вы наши, как же мы вас ждали!» – обрадованно воскликнул подбежавший усач, адъютант Рохлина старший прапорщик Михаил Товстый. Подошедшие офицеры целовались с вновь прибывшими.

Прошли в генеральский кунг. «Папа» задерживался и мы разговорились с офицерами. Естественно, первый вопрос был о потерях.

«255 полк: командир ранен, заместитель убит, ротные – все убиты, из взводных осталось двое. 33-й полк: командир Верещагин тяжело ранен, заместитель разорван в клочья» – рассказывал один из офицеров фельдъегерской службы.

«Армия не укомплектована. Командиры взводов сидят наводчиками и механиками-водителями...»

«Даже офицерская рота была – это же трагедия армии» – возмутился другой.

Принесли карту города. Судя по ней, 28 января русскими войсками удерживалась наиболее важная часть города, в которой сосредоточены все крупные заводы, президентский дворец и Совет министров. В целом наши войска контролировали примерно одну треть города.

Начальник штаба тыла:

«Это не война, это зверство. Но никто из наших не струсил.»

Заместитель Рохлина полковник Скопенко:

«Я был в Афганистане. Афган по сравнению с Чечнёй – лёгкая прогулка по Арбату. Здесь против нас воюет профессиональная высокоорганизованная армия. Наши 18-летние пацаны сражаются с боевиками и наёмниками, имеющими за плечами 10-12-летний опыт войны. Вспомним Великую отечественную войну – военных поддерживали все средства массовой информации. А здесь – мрак какой-то, освещение одностороннее. Нашему солдату надо гово-

рять, что ты герой, что тобой все гордятся. А он не получает ничего. А газеты за его спиной шумят: «Агрессия!». Самое страшное, что к войне начинаешь привыкать – к трупам, к смерти, к крови, и уже появляется не то, чтобы равнодушие, а какое-то естественное чувство»

«А что самое страшное?»

«Вообще всё страшно.»

«Как вы считаете, можно ли бросать в такие точки ребят-призывников, а не только одних офицеров и контрактников, которые знают на что идут?»

«Так в Госдуме-то утвердили призывной возраст! Вся беда в том, что не хватало денежек на нормальную подготовку того же 18-летнего паренька.»

«Откуда у вас такое изобилие еды на столе?»

«Из Волгограда. Губернатор Иван Петрович Шабунин до глубины тронул всех. Прислал 700 тёплых свитеров. Всех сразу одели. Колбасы, сигарет, носовых платков, зубных щёток, печенья, солений, водки прислали. Солдаты и те говорят, что даже в стационаре не питались так, как здесь. И ещё, я рад, что мы в эту историю попали с Рохлиным, а не с кем другим. С другим было бы втройне тяжелей.»

ОРДИНАРЕЦ

Денщик комкора старший прапорщик Миша Товстый:

«Я с командиром два месяца здесь. Жизнь готов положить за него. Для него трагедия, когда погибают солдаты. Он такое говорит, я могу повторить: «Ох..ть можно, в Афгане не было таких потерь!»

«Миша, что самое трудное на этой войне?»

«Самое трудное – послать солдата вперёд. А для нашего командира жизнь солдата выше всего.»

«Миша, а ты готовился к войне?»

«Я на войне никогда не был. Первый бой у Петропавловки, где мы подавили этих гадов... Был с командиром в бою – этот человек из кремня сделанный.»

«Но речь-то о тебе...»

«Ну да. Идёт, значит, бой, мины рвутся, снаряды – ад кромешный.. Он говорит: «Пойдём, поднимем ребят». Подходим к разведбату: «Ребята, только вперёд, иначе нам не устоять!» Три раза поднимали их в атаку, и мы победили.»

«Вот ты говоришь: «Победили гадов». Но газеты рассказывают, что воюет наш корпус с народом, с крестьянами...»

«Нет. Это профессионалы. Это снайпера, гранатомётчики, наёмники, которые знают своё дело. Прикрытие – ополченцы, пацаны, а сзади стоят профи из Афгана и Иордании».

«Новый год как встречали?»

«На новый год у нас было две бутылки шампанского. Мы собрали всех начальников служб, офицеров, всё что было выложили на стол и выпили буквально по несколько граммов».

«А в принципе нужны солдату в окопе 100 граммов?»

«Это нужно, когда прошёл бой, когда обстановка стабилизировалась. Это нужно для того, чтобы люди чуть-чуть расслабились и почувствовали дыхание этой жизни».

ПАПА

Чеченский наёмник получает 1000 долларов в день, корреспонденты московских газет в Грозном получают по 100 долларов в день, русский солдат получает чуть более 9000 рублей в месяц (правда обещали заплатить по 160 000), подполковник фельдъегерской службы со всеми надбавками получает 520 000, зам. Комкора по воспитательной работе полковник Скопенко (награждённый тремя боевыми орденами и прослуживший в армии 20 лет) получает 451 000, генерал-лейтенант Рохлин – 570 000 рублей в месяц.

Командир Северной группировки генерал Лев Яковлевич Рохлин прибыл на КП под вечер. Одетый в коричневый шабунинский свитер, он с трудом дышал и кашлял, говорят – двустороннее воспаление лёгких.

«Товарищ генерал, у нас оправдано неприменение авиации»?

«Время начала войны несколько неудачное для авиации, и из-за погодных условий она используется очень мало. Была бы у них авиация, они бы сейчас бомбили нас. Они используют абсолютно всё, что возможно. 2/3 наших потерь – от мин, снарядов и снайперов. Мы у них выбили тяжёлую артиллерию и они начали кричать: «Уберите и свою, давайте сражаться на равных». Но с какой стати я стану лишать себя этого преимущества? Вот они и воюют, ополченцы днём, снайперы ночью. Но атаки продолжаются бесконечно».

«Как вы относитесь к недавней статье в «Известиях», утверждающей, что «Рохлин из-за своих амбиций положил 255-й и 33-й полки»?

«Ну какие у меня амбиции? От должностей отказываюсь. Предлагали начальником штаба СКВО, предлагали командармом, в Москву предлагали – отказался. У меня большая семья, и я решил для себя остаться в Волгограде. Предсказывали к Герою России – отказался. Интервью полтора года не давал. Что касается 255-го полка, который «полностью уничтожен», вот данные: из 1100 человек – убитых 64, раненых 179».

«Дудаевцы выходили с предложениями о мире»?

«Однажды вошёл в радиосеть начальник генштаба Чечни Масхадов и поставил вопрос: «Политики не могут договориться, давайте договоримся сами. Вот, – говорит, – надо собрать всех убитых и раненых. Это первый вопрос. Второй – у нас много пленных, что с ними делать? Третий вопрос – о прекращении кровопролития». «Согласен, – говорю, по двум вопросам. А по третьему я не уполномочен, поскольку выполняю приказ вышестоящего начальства. Вы об этом заговорили, когда мы стоим у вашего дворца. У вас огромные потери, боеприпасы на исходе.» Он мне: «Это неправда, мы сильны» «Хорошо, – говорю, – я доложу наверх». Больше никаких переговоров у меня с ними не было».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.